

конченный вид лишь по мѣрѣ того, как ростовщическія операціи отрѣшаются от послѣдних остатков натурально-хозяйственных форм, и всѣ акты ссуды получают характер операцій исключительно с деньгами, перемѣщенія исключительно денег: сначала от ростовщика к тому лицу, которому он оказывает кредит („кредит“—довѣріе), потом от этого лица опять к ростовщику. Тогда деньги,—этот универсальный товар, на который можно купить всякіе другіе товары,—превращаются в тот единственный и исключительный товар, которым торгует ростовщик.

Предпосылки полного отдѣленія ростовщического капитала от торгового ясны и очевидны. Заемщику требуются деньги не сами по себѣ, не для денег, а для покупки товаров (или для оплаты ранѣе купленных товаров). Слѣдовательно, здѣсь предполагается раздѣленіе прежних купцов, которые и продавали товары, и кредитовали покупателей, на двѣ основных группы: на купцов, которые продают товары, и на лиц, которыя дают деньги на куплю этих товаров, приобретаемых третьими лицами. У послѣдних в данное время нѣтъ денег для оплаты необходимых товаров, но эти деньги, по их расчетам, будут у них к моменту, когда придется возратить ссуду. С прогрессом отдѣленія ростовщика от купца и сам торговец товарами начинает кредитоваться у торговца деньгами. Затратив свой капитал на закупку товаров, купец не всегда может выждать до того времени, когда эти товары будут распроданы и деньги возвратятся к нему: наличныя могут потребоваться ему на расширеніе дѣла, на оплату товаров, купленных в долг. Предвосхищая будущую выручку, он кредитуетсѣ у капиталиста и зато обязуется подѣлиться с ним частью ожидаемой прибыли. Во всѣх этих случаях связь ростовщического капитала с развитіем обмѣна выступает с полной прозрачностью.

Не менѣе ясной остается она и тогда, когда заем производится не для купли товаров, а, напр., на уплату податей и налогов. Формально этот случай отличается от предыдущаго только тѣм, что заемщик вынужден предвосхищать здѣсь выручку от товаров, которые будут им произведены, а не просто куплены для перепродажи, как в случаѣ с купеческим займом. Но и здѣсь предполагается, что превращеніе продукта в товар зашло очень далеко: иначе было бы невозможно перевести государственныя повинности из натуральных в денежные.

Вопрос о том, откуда и как появились крупныя денежные капиталисты, которые превратили торговлю деньгами в свою профессію, не представляет особенных затрудненій: он утрачивает самостоятельное значеніе послѣ того, как выяснено происхожденіе торговой буржуазіи. Представляя поздній отпрыскъ послѣдней, финансовая (ростовщическая) буржуазія могла возникнуть лишь изъ одного общаго корня с торговой

буржуазіей. Не только в средніе вѣка, но и в новое время сохранились многочисленныя напоминанія об этом общем первоисточникѣ. Широкія торгово-финансовыя операціи монастырей и таких духовно-рыцарских орденов, как, напр., Тамплиеры (Храмовники), выдающіяся торговыя и ростовщическія способности членов городского патриціата в различных странах, — всѣ эти и тому подобные факты достаточно ясно свидѣтельствуют, что первооснову для ростовщической эксплуатаціи дала феодальная эксплуатація, и что прибавочная стоимость, извлекаемая из вассальнаго населенія, послужила первоначальным ядром не только торговаго, но и ростовщическаго капитала.

Хотя ростовщическій капитал, подобно торговому, представляет продукт развитія одного и того же феодальнаго общества, однако между ними существует немалая разниа. Отношеніе торговаго капитала к феодальному обществу в конечном счетѣ носит болѣе активный характер. Он не только разлагает феодальное общество, но и создает нѣкоторыя основы для новаго: разбивает узкія рамки феодальных отношеній, уничтожает средневѣковую замкнутость, связывает отдаленныя территоріи в единое экономическое цѣлое. Словом, он развивается в извѣстном, то скрытом, то прорывающемся наружу антагонизмѣ с феодальным экономическим и политическим строем. Напротив, ростовщическій капитал совершенно пассивно, с паразитическим безразличіем, относится к тому общественно-экономическому базису, к которому приурочивается его дѣятельность. Его первоначальныя — и болѣе блестящія — операціи составляли ссуды феодальным сеньерам и сюзеренам. Кредитоспособность послѣдних стоит в неразрывной связи с прочностью их политическаго положенія, т.-е. с устойчивостью и незыблемостью феодальнаго строя. Феодальная раздробленность оказывает минимальныя препятствія передвиженію денег и не мѣшает ростовщику держать в постоянной финансовой зависимости от себя феодала, отдѣленнаго десятками „государств“. Таким образом ростовщическій капитал уже в Средніе вѣка связывает свою судьбу с судьбою господствующих сословій феодализма, — и внутренней логикой своих операцій приводится к тому положенію, к созданію того самодѣйствующаго механизма, который требует выдачи новых ссуд для спасенія старых, для прикрытія банкротства, фактически уже разразившагося над должником.

Ростовщическій капитал представляет форму экономически и социалью низшую по сравненію с торговым капиталом. Его дѣятельность не может замѣнить возбуждающих вліяній торговли; страны с гипертрофированным ростовщическим капиталом останавливаются в своем развитіи или даже падают с того уровня, котораго онѣ достигли в эпоху преобладанія торговаго капитала.

2. Развитие ростовщических операций.

Переходим к ближайшему выяснению экономических функций ссудного капитала, а вмѣстѣ с тѣм и источника, из котораго получается „рост“, или „процент“, на ссуженный капитал.

За исходную точку анализа лучше всего взять средневѣковыя товарищества (*societas*, коммента, бодмерея) оптовых торговцев. Всѣ они характеризуются тѣм, что торговля предпріятія организуются здѣсь, цѣликом или отчасти, на деньги лица, которое само не принимает участія в экспедиціях. Пока фактическіе купцы остаются просто довѣренными, служащими этого лица, такое товарищество мало отличается от всякаго другого торговаго предпріятія с достаточно обширным штатом наемных служащих. Различіе заключается лишь в способѣ оплаты служащих, в том, что в торговом товариществѣ этот способ пріобрѣтает нѣкоторую аналогію с „участіем в прибылях предпріятія“.

Положеніе измѣняется, когда довѣренные превращаются в самостоятельных купцов, а денежный капиталист просто в их кредитора. Должники не обязаны отчитываться перед ним за то употребленіе, которое они дали полученной ссудѣ. Их дѣло—уплачивать в строго опредѣленные сроки строго опредѣленные суммы за пользованіе ссуженными деньгами и возратить основную сумму, когда истечет срок, на который она была кредитована.

Процесс выдѣленія финансовой буржуазіи из торговой с замѣчательной рельефностью выступает в новгородской исторіи и находит себѣ выраженіе в сословно-классовом расчлененіи новгородскаго общества. Высшую ступень в нем занимали мѣстные бояре, родственные первоначальному патриціату средневѣковаго города на Западѣ. Уже к XIII вѣку они перешли от эпизодических торговых операций в широком масштабѣ к ростовщическим операциям. „Своими операциями они пользовались не для непосредственных торговых операций, а для кредитных оборотов, ссужали ими торговцев или вели торговля дѣла при посредствѣ агентов из купцов“. Они—„капиталисты-дисконтеры“ (Ключевскій). К характеристикѣ размѣров их состояній и операций: в 1209 году вѣче подвергло конфискаціи—попросту разграбило—все имущество посадника Дмитра Мирошкинича и его братьев и пустило добычу в поголовный раздѣл; на каждого новгородца досталось по 3 гривны—по 40—60 руб. на наши деньги. Кромѣ того, в домѣ Дмитра найдены „доски“,—„векселя“ новгородских купцов, на которых значилось ссуженных денег „без числа“. Корни подавляющаго политическаго вліянія этого слоя понятны. Из него выбирались высшія должностныя лица,—и он же умѣл направлять рѣшенія вѣча.

Слѣдующій слой—ж и т ь и л ю д и. Как и бояре, они домовладѣльцы и землевладѣльцы, зачастую очень крупные. В их руках сосредоточивалась оптовая торговля, занимались они и ростовщическими операціями. Судя по всему, это—позднѣйшая часть городской аристократіи богатства, еще не слившаяся с той аристократіей богатства и „породы“ одновременно, какою были бояре. Высшія должности существовали не для них.

Третій слой, к у п ц ы, уже явно носит плебейскій отпечаток; в их руках сохраняется „внутренній сбыт, развозка заграничных товаров по остальной Россіи“ (М. Н. Покровскій). Многіе из них вели торговыя операціи на деньги, ссуженныя боярами или в качествѣ боярских довѣренных людей. Как и первыя двѣ группы, купцы еще не порвали отношеній с феодальным производством: они—тоже землевладѣльцы, хотя не такіе крупные, и на ряду с первыми группами упорно отстаивали интересы землевладѣнія. Прибавочный продукт, извлекаемый из деревни, все еще оставался базисом коммерческих операцій примитивной новгородской буржуазіи, в которой перемѣшивались черты сеньера, купца и ростовщика,—для различных слоев в различных пропорціях.

Всѣ характеристики этих групп заставляют предполагать, что первыя двѣ из них, бояре и ж и т ь и л ю д и, по своему происхожденію тѣснѣе связаны с феодальной усадьбой, а третья—с феодальной деревней. Первичной основой выдѣленія третьей группы, купцов, послужила несомнѣнно торговля ремесленного характера; громадное большинство в ряду поколѣній не пошло дальше оборотов ремесленного размѣра. Знаменательно, что только купцы и раздѣлялись на гильдіи, родственныя по своим функціям цехам ремесленников. Члены высших гильдій приближались к ж и т ь и м л ю д ь м, члены низших гильдій связывали купцов с четвертой группой, с ч е р н ы м и л ю д ь м и: городскими массами, в которых наиболѣе видную часть составляли ремесленники и которыя, как и на Западѣ, были главной основой военных сил города и главным боевым матеріалом городской демократіи. Купцы обыкновенно вели за собой эти массы,—но боярскія клики („торговые“ „и банкирскіе“ дома) в большинствѣ случаев умѣли направлять в русло своих интересов политическія стремленія и купцов, и черных людей. Конфликты этих рельефно намѣчающихся классов и групп и сообщают такой интерес внутренней исторіи и внѣшним отношеніям Новгорода.

Слѣдует отмѣтить, что и в торговых городах Запада городской патриціат с теченіем времени пріобрѣтает черты ростовщической, финансово-буржуазной.

Кредитор ссужает купцам деньги. Купцы покупают на них товары с цѣлью получить прибыль от перепродажи,—и тѣм самым превращают эти деньги в капитал, именно, в товарный капитал. Перепродавая

товар окончательным потребителям, они завершают процесс реализации той стоимости, которую представляет этот товар. Занятые деньги дали им власть над все еще не дошедшим до потребителей, не получившим окончательной реализации чужим трудом, заключающимся в товарах, произведенных, напр., крепостными крестьянами. Ссужая купцов деньгами, кредитор ссужает их властью над чужим трудом. Полезность, потребительная стоимость ссужаемых денег для купца определяется величиной этой власти. Пусть купец, покупая товары, реализует для их продавца 100 трудовых дней—или, в денежном выражении, 100 рублей. Предположим, что, перепродавая эти товары, он реализует из заключающейся в них стоимости в одном случае еще 100 рабочих дней (перепродает товары за 200 руб.), а в другом—200 рабочих дней (перепродает товары за 300 руб.). Потребительная стоимость занятых денег для купца во втором случае вдвое больше, чем в первом. Поэтому кредитор, наперед учитывая вероятную конъюнктуру, во втором случае имеет возможность выручить за свой товар, за деньги, вдвое большую цену, чем в первом. Эта цена и есть рост, процент. Если в первом случае, при обычных торговых прибылях в 100%, она составляла 25%, то во втором случае, при повышении этих прибылей до 200%, кредитор имеет шансы настоять на том, чтобы за пользование кредитными деньгами ему уплачивалось 50% в год.

Купцу дело представляется в несколько ином виде. Занятые деньги дают ему основу для трудовой деятельности. Прилагая свой труд к купленным товарам, транспортируя их, иногда продолжая и завершая подготовительные к их потреблению производственные процессы: размельчая, перемешивая в составы и т. д.,—купец увеличивает их стоимость, создает новую стоимость, которая служит основным источником торговой прибыли. Торговая прибыль, как он полагает,—вознаграждение за функции купца, за его деятельность. Процент же, который приходится уплачивать кредитору, представляет вычет из этой торговой прибыли, является вознаграждением за голый юридический титул, за простое право собственности на деньги, и не имеет никакого касательства к каким бы то ни было функциям денежного капитала. Купец получает прибыль за свои функции, которыми занятые деньги превращаются в капитал: в стоимость, величина которой возрастает благодаря приложению живого труда. Денежный капиталист не несет никаких функций и получает процент за простое обладание деньгами и за то, что, передав их купцу, он предоставляет последнему возможность превратить их в действующий капитал.

Но отсюда один шаг до представления, что деньгам присуща способность „высасывать деньги“, автоматически увеличивать свою

стоимость независимо от приложения живого труда. Всякая кредитруемая сумма представляется капиталом уже независимо от того, на что она будет затрачена должником и получит ли вообще производительное примѣненіе. Даже деньги, лежащіе без всякаго употребленія, становятся потенциальным капиталом, так как для увеличенія их количества от собственника не потребовалось бы никаких дѣйствій, кромѣ отдачи их в ссуду функционирующему капиталисту. Источником увеличенія стоимости—возрастанія количества денег—представляется здѣсь не присвоеніе чужого труда, не трудовыя затраты, а деньги сами по себѣ, деньги как таковыя.

Когда процесс фетишизаціи общественных отношеній достиг этой ступени, всѣ коммерческія исчисленія и того купца, который пѣбликом оперирует собственным, а не занятым капиталом, получают новый вид. Пусть покупка товаров обошлась ему в 4.000 руб., а выручка от продажи дала 10.000 руб.; торговая прибыль составит здѣсь 6.000 руб., или 150% на затраченный капитал. Но купец высчитывает выгоды своего торгового оборота иначе. При обычном в данное время уровнѣ процента, он и без всякой торговли получил бы на свой капитал 1.000 руб., или 25%, если бы ссудил эти 4.000 руб. в надежныя руки. Слѣдовательно, эту тысячу рублей принесла не его торговая дѣятельность, а его капитал. Значит, торговая прибыль, вознагражденіе за купеческія функціи, составляет только 5.000 руб., или 125%,—а остальная тысяча есть процент, естественный прирост, которым он обязан единственно тому обстоятельству, что обладал деньгами.

Отдѣленіе ссуднаго капитала от торгового получает здѣсь совершенно законченный вид и находит выраженіе в том, что даже капиталист, не прибѣгающій к ссудам, опредѣленную долю своих барышей относит на счет капитала как потенциально ссуднаго капитала, и только остальную часть—на счет своей дѣятельности.

Послѣ того, как деньги приобрѣли способность приносить деньги, превратились в потенциальный капитал, процент совершенно естественно требуется и в тѣх случаях, когда ссуда вовсе не функционирует у заемщика в качествѣ капитала. В деньгах ему передается власть над чужим трудом (или над продуктами чужого труда), и этого достаточно для того, чтобы собственник получил в возврат приращенную сумму. Таковы прежде всего случаи продовольственных ссуд в самом узком и суровом значеніи этих слов. Главная их арена—область мелкаго самостоятельнаго производства, промышленнаго и земледѣльческаго, которое вынуждается прибѣгать к ним при всяком затрудненіи сбыта (ремесленники), при всяком стихійном бѣдствіи (крестьяне и ремесленники), при всякой продолжительной болѣзни главнаго работника, „кормильца“ семьи. С пе-

реходом к денежным повинностямъ, замѣняющимъ натуральныя, поле для дѣятельности ростовщика значительно расширяется. Здѣсь развиваются ростовщическія операціи мелкаго, ремесленнаго характера, ростовщикъ здѣсь плебей, обыкновенно об'единяющій в одномъ лицѣ и мелкаго торговца товарами, и мелкаго торговца деньгами; онъ лишь съ большою медленностью и только в исключительныхъ случаяхъ отрѣшается отъ натурально-хозяйственныхъ формъ ростовщическихъ операцій¹⁾.

Мелкіе ростовщики не были единственными кредиторами крестьянъ, нуждавшихся в ссудахъ. Раньше уже указывалось, какъ, съ развитіемъ мѣновыхъ отношеній, та помощь, которую сеньеръ оказывалъ в извѣстныхъ случаяхъ зависимому крестьянству, смѣнялась ростовщическими операціями: иногда она прямо служила орудіемъ закабаленія и обезземеленія свободныхъ крестьянъ. Многими десятками тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ и необозримою земельною собственностью наши монастыри, напр., в значительной степени обязаны этому источнику. В XVI вѣкѣ на монастыри сыпались безконечныя упреки за то, что они не считаются съ церковными правилами, отдаютъ деньги в рост, особенно в ссуду крестьянамъ. „Вассіанъ Косой изображаетъ ихъ суровыми займодавцами, которые налагали „лихву на лихву“, проценты на проценты, у несостоятельнаго должника-крестьянина отнимали корову или лошадь, а самого съ женой и дѣтьми стогнали съ своей земли или судебнымъ порядкомъ доводили до конечнаго разоренія“ (Ключевскій). Даже на Стоглавомъ соборѣ (половина XVI вѣка) нашли отзывъ эти обвиненія в „займодавнѣхъ многолихвенныхъ убогимъ человѣкомъ“. И характерно, что, когда поднялся вопросъ о помощи нищимъ, убогимъ и увѣчнымъ, духовенство дало совѣтъ содержать ихъ на государственный счетъ и на приношенія благочестивыхъ людей, о своемъ же участіи в этомъ дѣлѣ промолчало. Этимъ было косвенно подтверждено, что монастыри изъ благотворительныхъ учрежденій превратились в „ссудо-лихвенныя конторы“.

Но такія ростовщическія операціи духовныхъ (и свѣтскихъ) сеньеровъ, при всей своей широтѣ, болѣе близко и непосредственно связаны съ эволюціей деревенскихъ отношеній, чѣмъ съ дѣятельностью городского кредитнаго капитала. Онѣ даютъ представленіе об одномъ изъ методовъ, которые

¹⁾ Даже в современной деревнѣ обычная форма ссуды—ссуда товарами, и обычная форма возврата—продуктами или отработками. Сдѣлки, в которыхъ ссуда и ея возвратъ производятся только деньгами, все еще представляютъ исключеніе. Мелкіе промышленные производители в городахъ тоже кредитуются сырымъ матеріаломъ у торговцевъ, деньгами у скупщиковъ, а возвращаютъ ссуды первымъ—деньгами, а вторымъ—своими продуктами. Значитъ, ростовщическія сдѣлки в подавляющемъ большинствѣ случаевъ тоже носятъ смѣшанный характеръ, и ростовщикъ не обособляется отъ торговца.

вели к превращенію феодала в помѣщика крѣпостной эпохи, к расширенію владѣній и власти послѣдняго, онѣ об'ясняют отчасти, как сеньер мог сдѣлаться крупным денежным капиталистом, но еще не показывают, как этот капиталист превратился в крупнаго, оптоваго торговца деньгами.

Ростовщическія сдѣлки не с жителями деревни, не с мелким крестьянством, а с владѣльцами феодальных усадеб, с сеньерами разных степеней, послужили главной ареной для дѣятельности ростовщического капитала в широком масштабѣ и для развитія его операций в направленіи к высшим, чисто денежным формам.

Первоначальныя ссуды сеньерам тоже носили характер „продовольственных“, или, в болѣе общем выраженіи, потребительных ссуд, с той только разницей, что здѣсь дѣло шло о продовольствіи в сеньеріально-сословном значеніи, о высоко квалифицированных потребностях. Нужда в этих ссудах возникала у феодалов по мѣрѣ того, как развивался обмѣн и вмѣстѣ с тѣм разрушалась примитивная простота феодальнаго быта; и возможность удовлетворенія этой новой, специфически дворянской нужды создавалась тѣм же развивающимся обмѣном: он превращал городской патриціат в торговцев предметами роскоши и приводил к концентраціи в их руках крупных денежных состояній, которыя были готовы направиться всюду, гдѣ ожидалась хорошая прибыль. Естественно, что ростовщическая эксплуатація сельскаго дворянства его городскими собратьями, постепенно обособляющимися от него, слѣдует в разных странах за ростом торговли. В нѣкоторых областях Италіи она началась уже в XI вѣкѣ, во Франціи и Англіи в два слѣдующих столѣтія, в сѣверо-восточной Россіи явственно выступает в XV вѣкѣ.

Наиболѣе обычная форма ссуды была такая (во Флоренціи уже с XI вѣка). Сеньер составлял запродажную запись на свое имѣніе и за ссуду передавал ее кредитору. В записи дѣлалась оговорка, что договор расторгается, если должник в опредѣленный срок вручит кредитору такую-то сумму денег,—в нее кромѣ ссуды включались, конечно, и лихвенные проценты (8, 10, 15, 20,—даже до 35 годовых процентов)¹⁾.

¹⁾ Русскіе монастыри XV—XVI вѣка получали в обезпеченіе ссуд, выдававшихся под вотчины, такія же купчія. Сдѣлки пріобрѣтали очень сложный характер благодаря тому, что онѣ обыкновенно должны были доставить заемщику не только извѣстное количество тѣлѣнных благ,—извѣстную сумму денег,—но и вѣчное блаженство за гробом. Поэтому вотчина, если она в концѣ-концов доставалась монастырю, лишь в нѣкоторой части считалась уплатою ссуды с процентами, а в остальной разсматривалась как вклад на вѣчное поминовеніе и т. под. Очевидно, что такой способ исчисленія был равносильен фактическому увеличенію процента до колоссальных размѣров, о которых не могли и мечтать свѣтскіе ростовщики. Такія ссудныя операціи, организованныя с рѣдким искусством, сыграли огромную роль в увеличеніи землевладѣнія напр., Троицко-Сергіевой Лавры.

Самая форма таких сделок указывает на их окончательную тенденцию. Ссуды служили здесь ступеньками, по которым шло разорение должника и расширялось землевладение кредитора. Городской патрициат, лишь недавно и не вполне отстранившийся от феодального производства, находил в ростовщичестве метод для возвращения к феодальному производству, для увеличения того феодального прибавочного продукта, который оставался базисом его коммерческих операций. В некоторых областях Италии ростовщическая эксплуатация послужила тем орудием, посредством которого формирующаяся буржуазия совершенно подчинила себя деревенское дворянство, экспроприировало его земли, принудила его превратиться в наемных военных организаторов. Те же явления повторились в новгородской и псковской истории¹⁾. Во Франции, Нидерландах, Германии расточительность, поддерживаемая ссудами, повела к быстрому разорению рыцарства (характерно, что в южной Франции уже в ранний период поэзии трубадуров дворянин, терзаемый кредиторами,—одна из самых обычных фигур). Отличие от Италии только в том, что город не имел здесь возможности политически восторжествовать над деревней.

Итак, и эти ростовщические операции, подобно мелкому деревенскому ростовщичеству, еще не выводят нас к выработанным формам торговли деньгами. Ростовщик здесь все еще слишком тесно связан с деревенскими отношениями,—слишком легко и охотно возвращается к ним.

Значительный шаг в направлении к чисто кредитным сделкам, т. е. сделкам, при которых между контрагентами переменяются только деньги, и ничего больше, раньше всего совершается при наличности одного из следующих двух условий (или обоих одновременно): или в тех случаях, когда кредитор по своему общественному положению исключается из круга тех лиц, которые могут владеть привилегированной, феодальной собственностью; или же в тех случаях, когда должники занимают настолько высокое положение в феодальной иерархии, что не могут быть экспроприированы кредиторами. Из случаев первого рода наиболее ярко запечатлелись в сознании средневекового человека те, когда в роли ростовщиков выступали евреи. Самые обычные из случаев второго рода—те, когда заемщиками являлись сюзерены разных ступеней, светские или духовные. Их кредитоспособность основывалась на функциях (или юридических титулах), неотчуждаемых от их личности.

---

¹⁾ Здесь перевес города над деревней нашел себя яркое выражение между прочим в том, что зависимое крестьянство должно было платить подати и отправлять натуральные повинности в пользу городской общины. Городской патриций,—торговец и ростовщик,—торжествовал над деревенским сеньером.

но эта же неотчуждаемость функций и прав,—источника тех доходов, на которые рассчитывал кредитор,—уже очень рано открывает перед сюзеренами такой легкий способ раздѣлки с долгами, как банкротство, прекращеніе платежей.

Различіе между случаями перваго и втораго рода болѣе или менѣе внѣшнее. С одной стороны, в областях, гдѣ право на принудительный труд вассальных или крѣпостных крестьян было исключительной привилегіей дворянина, христіанское исповѣданіе плебея-ростовщика давало ему очень небольшой плюс перед евреем-ростовщиком. С другой стороны, при взысканіи долгов с сюзеренов—королей, герцогов, епископов и т. д.,—христіанскіе ростовщики могли опираться лишь на свою финансовую силу, как и евреи: у них не было каких-либо иных способов принужденія к исполненію обязательств¹⁾.

¹⁾ В послѣдніе годы перед войной Зомбарт усиленно возвращался к особой „теоріи“, намѣченной в нѣсколько неопредѣленных очертаніях уже у старика Рошера: к теоріи „особаго призванія евреев к капитализму“. Несомнѣнно, принцип капитализма—хозяйствованія для накопленія—раньше всего заявил в области крупной торговли, а наиболѣе чистыя его формы выработались прежде всего в области ростовщических операцій. Вѣрно, повидимому, и утвержденіе, что евреи были одними из первых носителей новой торговли. Этому содѣйствовали их никогда не порывавшіяся связи с единоплемениками, жившими на Востокѣ, передовом по своему экономическому развитію. Но так же вѣрно и то, что европейцам потребовалось очень короткое время на „капиталистическую выучку“: первая волна антисемитизма—и еврейских погромов—прокатывалась по различным странам Европы по мѣрѣ того, как онѣ втягивались в международную торговлю и в них складывались зачатки „національной буржуазіи“. Еврей,—разумѣется, точнѣе было бы сказать: буржуазные слои, буржуазная часть евреев,—все болѣе оттѣснялись в область ростовщических сдѣлок и приобретали ярко выраженные черты финансовой буржуазіи. И в этой области они просто предугадывали тот путь, на который національная торговая буржуазія Италіи, Германіи, Голландіи вступала впоследствии, когда от этих стран отходило их торговое преобладаніе. По мѣрѣ того, как в одной странѣ за другою національная буржуазія переходила к торговлѣ деньгами, по Европѣ прокатывалась новая волна антисемитизма и погромов: зачаточная національная финансовая буржуазія начинала борьбу за монопольное право на ростовщическую эксплуатацію соотечественников, а потом и вообще европейцев. Из всего этого слѣдует, что европейцы нѣсколько позже почувствовали „призваніе к капитализму“, но вовсе не слѣдует, что они оказались менѣе достойными этого призванія. Характерно, что в Англіи и во Франціи „ломбардам“ (т.-е. ломбардцам, уроженцам сѣверной Италіи) уже в XIV вѣкѣ пришлось наравнѣ с евреями страдать от „народной ненависти“ к ростовщикам. И с каждым новым столѣтіем состав финансовой буржуазіи становился все болѣе интернаціональным и даже космополитичным. Крупным ростовщикам-европейцам в значительной мѣрѣ

Кредитное дѣло повсюду очень быстро выработало особыя формы приспособленія к неотчуждаемости имущества заемщиков. Вообще говоря, здѣсь совершалось то же самое, что наблюдается и в новѣйшее время, когда, напр., неотчуждаемость крестьянских надѣлов дает крестьянству лишь мнимую защиту от ростовщической эксплуатаціи. Во-первых, здѣсь возникают всевозможные приемы для обхода неотчуждаемости: собственность по-прежнему юридически числится за старым номинальным собственником, но доходы от нея в возрастающей мѣрѣ достаются ростовщику. Во-вторых, необходимость изобрѣтать эти обходы и возрастающій вслѣдствіе этого риск приводят к тому, что нормальный, коммерческій, опредѣляемый общими условіями денежнаго рынка кредит становится недоступным для элементов, огражденных неотчуждаемостью, и что они безнадежно запутываются в сѣтях самаго варварскаго ростовщичества.

В ослабленной степени, но тѣ же явленія имѣли мѣсто и в случаях, когда кредит предоставлялся верхушкам феодальнаго сословія. Эти явленія представляют значительный интерес между прочим по той причинѣ, что здѣсь мы наблюдаем переход от средневѣковых, по-феодальному бозпомощных форм финансоваго управленія к новѣйшим, болѣе совершенным. В самых словах: „феодализм“ и „финансовое управленіе“ — т.-е. система, оперирующая не натуральными, а денежными сборами, — заключается внутреннее противорѣчіе. Исторически оно выражалось в полной неспособности господствующих феодальных элементов создать сколько-нибудь удовлетворительный фискальный аппарат и в „неумѣньи считать“, т.-е. соразмѣрять свои расходы с доходами. Постоянные дефициты покрывались кредитными операціями, т.-е. по-просту займами, и уплата займов гарантировалась отдачею разных доходных статей в распоряженіе кредиторов. Таким образом кредитор сюзерена выступал в роли откупщика; кредитуемая сумма превращалась в плату за тѣ сборы с подданных, которые на опредѣленный срок передавались, продавались ему сюзереном; а процент, рост выступал здѣсь в формѣ торговой прибыли от этой торговой сдѣлки.

удалось превратиться в финансовую аристократію, в государственных и королевских ростовщиков, в ростовщиков при папской куріи и городских магистратах и оттѣснить еврейскую буржуазію в сферу менѣе привлекательных для них операцій: плебейских по составу заемщиков, примитивных по своему общему характеру. На связь между развитіем „христіанскаго“ торговаго и ростовщическаго капитала и гоненіями на евреевъ указывалось уже давно, в настоящее время о ней упоминается почти во всѣх работах по исторіи банков и биржи. Первенство евреевъ в области капиталистической дѣятельности — фактъ общеизвѣстный. Зомбарт и в данном случаѣ лишь придал этим и т. под. наблюденіям парадоксальную и претенціозную форму.

Зародыши подобных отношений сложились в помѣстьях рядовых феодалов. Дворянство, отвлекаемое от деревни государственной и придворной службой, передавало помѣстья в полное и фактически безотчетное завѣдованіе своих управляющих. Они были обязаны только ежегодно уплачивать владѣльцу опредѣленную денежную сумму; а как добывалась эта сумма, во что обходилось ей выколачиваніе зависимому крестьянству, и сколько при этом оставалось у подобнаго управляющаго-откупщика, нисколько не интересовало владѣльца: ему важно было только снять с себя все бремя управленія. Особенное распространеніе получили такіа отношенія во Франціи.

Исторически ростовщик был первым министром финансов. Его дѣятельность падает на эпоху, когда совершался переход от феодальных форм политических связей к централизованному государству новаго времени. Не сюзерен, выросшій в натурально-хозяйственных отношеніях феодализма, а ростовщик, развившійся в торговлѣ и на торговлѣ деньгами, был как нельзя болѣе призван к тому, чтобы организовать фискальную часть зарождающагося государства. Он ссужал сюзерену наличныя деньги,—и уже сам организовал тот аппарат, который должен был выколачивать деньги из подданных (или—при натуральных повинностях продукты, которые потом превращались в деньги¹⁾).

Римская церковь, самая мощная и богатая политическая организация средних вѣков, уже с первой половины XIII столѣтія усвоила

¹⁾ Характерно, что это явленіе наблюдается и в настоящее время,—и тоже на переходной ступени от феодальнаго к новѣйшему экономическому и политическому укладу. Европейскіе банкиры устраивают займы турецким, персидским, китайским и т. д. суверенам—и в уплату за это получают право организовать их финансовое управленіе. В соответствии с современной промышленно-капиталистической эпохой, наибольшее вниманіе они посвящают управленію таможенными в азіатских странах: не ограничиваясь захватом львиной доли таможенных сборов, они диктуют такіе тарифы, которых требуют их соотечественники-промышленники. Фактически европейцы подчиняют себѣ все финансовое (и желѣзно-дорожное) управленіе азіатских держав: суверен послѣдних не может провести ни одной серьезной мѣры, не получив предварительнаго разрѣшенія от европейских кредиторов. Слѣдовательно, за персами, китайцами, турками—номинальными министрами финансов—здѣсь стоят дѣйствительные министры финансов: европейскіе ростовщики. Конечно, они вносят нѣкоторую ясность и отчетливость в финансовое управленіе и достигают небывалой неуклонности в дѣйствіях податнаго и налогового механизма. Но все это обходится управляемым странам слишком дорого в экономическом и в политическом отношеніи (экономическій застой; обнищаніе масс населенія; европейская финансовая и военная поддержка изжитых политических форм). Наиболѣе яркая иллюстрація за послѣдніе годы перед войной—судьбы Персіи.

такую организацію фискальнаго дѣла. Первоначально в роли папских сборщиков чаще всего выступали Тамплиеры; впоследствии, когда французскіе короли, желая прибрать к своим рукам имущество ордена, добились его уничтоженія будто бы за покровительство ересям, крупные торговые дома Италіи взяли на себя сбор и передачу папских денег. Папскими откупщиками были сначала купцы из Лукки, Цистой, Сиенны. В XV вѣкѣ всѣ они были оттѣснены флорентійской фирмой знаменитых Медичи, которые на протяженіи почти двух вѣков оставались крупнѣйшими финансистами и увеличили свое состояніе до колоссальных размѣров в значительной степени благодаря операціям с папскими сборами.

С XIII столѣтія сѣверо-итальянскіе купцы появляются в качествѣ финансистов-организаторов во всѣх странах Европы: в Англіи и во Франціи, в Нидерландах и в Германіи. Откуп мало-по-малу сдѣлался господствующей системой финансоваго управленія. За опредѣленную сумму денег капиталист получал в свое исключительное завѣдованіе таможенные сборы по извѣстной границѣ, королевскую десятину в той или иной провинціи, чеканку монеты, торговлю солью и т. д. Ему предоставлялись всѣ доходы, которые он сумѣет извлечь из аренды королевских и т. под. регалій.

Немногія цифры покажут, с каким жаром была использована эта возможность и насколько широки были ростовщическія операціи по сравненію с размѣрами тогдашней торговли. В XIV вѣкѣ общая стоимость ежегоднаго вывоза из Любека, стоявшаго во главѣ Ганзы, не превышала 3 милл. марок на современные деньги. В том же столѣтіи одна-единственная флорентійская фирма (Барди) ссудила англійскому королю 8 милл. марок, а другая фирма (Перуччи)—5 милл. мар. В концѣ XIII столѣтія общій вывоз шерсти из Англіи по стоимости едва ли превышал $2\frac{1}{2}$ милл. марок в год. В том же столѣтіи у одного парижскаго ростовщика обороты достигали до 550.000 марок, а у всѣх „ломбардов“, развивавших свою дѣятельность в Парижѣ, обороты превышали 60 милл. И даже возвращаясь еще дальше назад, мы встрѣчаем в ростовщических сдѣлках такія почтенныя суммы, о которых не могли и помыслить торговцы товарами. Так, уже в XII столѣтіи генуэзцы и пизанцы ссудили крестоносцам под Акконой до $1\frac{1}{2}$ милл. марок, в половинѣ XIII вѣка итальянскіе же купцы ссудили Людовику IX до $2\frac{1}{2}$ милл. марок (все—в переводѣ на современные деньги).

Чѣм ближе мы подходим к новому времени, тѣм быстрѣе растут размѣры таких операцій. Барыши Фуггеров—крупнѣйшаго торговаго дома XVI столѣтія,—получавшіеся от аренды только одной папской доходной статьи (maestrazzo) составляли в год от 200 до 500 тысяч дукатов,

т.-е., в круглых цифрах, от 700 тысяч до $1\frac{3}{4}$ миллиона рублей в переводѣ на современные деньги. За сорокалѣтіе 1563—1604 года они извлекли из этого откупа болѣе $7\frac{1}{2}$ милл. руб. чистой прибыли. К половинѣ XVI вѣка они уплачивали за эту аренду по 150.000 дукатов, а извлекали из нея около 220.000 дукатов, т.-е. чистой прибыли получали до 70.000 дукатов в год, что составляет болѣе 45%. В нѣкоторые годы этот процент поднимался до 85. Неудивительно, что состояніе дома Фуггеров в его блестящіе годы опредѣлялось в 160 милл. марок на современные деньги: цифра, которая для отношеній XVI вѣка означала то же, что миллиарды современных американских Астонов, Карнеги и Рокфеллеров или состоянія таких монархов европейскаго континента, как, напр., низвергнутые Романовы.

Доставляя суверенам возможность облагать в настоящем будущія поколѣнія, финансовая буржуазія становится самой вліятельной силой XVI вѣка. С этого времени в Европѣ ясно намѣчается тот „союз двора и биржи“, который сохранился и в слѣдующіе вѣка. Еще в XV вѣкѣ суверенам приходилось считаться прежде всего с крупнѣйшими феодалами, сосредоточившими в своих руках обширныя земельныя владѣнія и располагавшими многими тысячами людей. Так, в Англіи в эпоху войны Алой и Бѣлой Розы граф Варвик, в замках котораго кормилось будто бы до 30.000 человекъ, не без основанія получил прозвище „дѣлателя королей“. В XVI вѣкѣ натурально-хозяйственныя отношенія явно изживают свое время, — и первоклассной общественной силой становятся элементы, которые держат в своих руках нити новых, товарно-производственныхъ отношеній и концентрируют в своей власти такой универсальный товар, каким являются деньги. Побѣда враждующихъ сувереновъ обезпечивается поддержкой уже не столько земельной, сколько денежной аристократіи. Борьба их все чаще отливается в форму борьбы торговыхъ домов, которые начинаютъ возводить мѣрков на троны и свергать с троновъ. Яковъ Фуггер такъ прямо и писалъ Карлу V: „Извѣстно также и совершенно ясно, что ваше императорское величество безъ моей помощи не могли бы получить римской (т.-е. германской) короны“.

Экономическая сущность кредитныхъ операцій такова. Для потребностей заемщика, в нашемъ случаѣ феодала, недостаточно той прибавочной стоимости, какую он можетъ извлекать изъ зависимаго населенія изъ мѣсяца в мѣсяцъ, или же ему необходима разомъ крупная сумма. Кредитор передаетъ тѣ деньги, которыя имѣются у него в распоряженіи и которыя, какъ всеобщее покупательное средство, представляютъ власть надъ чужимъ трудомъ и продуктами чужого труда. Кредитор отказывается в данный моментъ самъ использовать эту власть, онъ передаетъ ее заемщику, — но зато требуетъ отъ послѣдняго извѣстной части той прибавочной стои-

мости, которая могла бы быть получена, если бы сам кредитор воспользовался деньгами, как капиталом. Его нисколько не касается способ использования ссуды заемщиком: пусть она будет прокучена или затрачена на войну, т.-е. совершенно непроизводительно,—все равно, современем он потребует всю сумму обратно и ежегодно будет требовать процент, как и в том случае, если, пользуясь ссудой, заемщик увеличивает присвоение прибавочной стоимости (напр., применяя ссуду в качестве торгового капитала).

Возможность кредитоваться освобождала потребительский размах феодалов от ограничений, лежащих в том предельном годовом количестве прибавочной стоимости, которое при данном уровне техники может быть произведено вассалами и присвоено феодалом. Но зато из фонда, которым должны удовлетворяться обычные потребности сеньера, это годовое количество превращалось в фонд, за счет которого должны были покрываться кроме того и кредитные обязательства сеньера. Следовательно, последние, с наступлением срока платежей, представляли прямой вычет из его обычного потребительского фонда. В отделе о крепостнической системе хозяйства („Курс“, т. I) мы уже видели, что такой способ компенсации возросших расходов, как повышение производительности подневольного труда, открывался перед феодалом лишь в очень скромных границах. Перед ним оставались только два главных средства борьбы за сохранение привычного уровня жизни. Во-первых, он, как показано в отделе о крепостническом хозяйстве, чисто механически усиливал эксплуатацию. Во-вторых, покрывал потребительские дефициты новыми и новыми „кредитными операциями“. Заемщики все больше запутывались в долгах. Уже для XVI века к ним можно было бы применить известное картинное выражение: „займы поддерживают заемщика, как веревка повешенного“.

Этот процесс находил естественное завершение в прекращении платежей, в банкротстве сначала заемщиков, а потом и кредиторов. Начиная с XVI века, эта судьба постигла целый ряд итальянских торговых домов (напр., Барди и Перуччи, главных кредиторов Эдуарда III английского). В XVI веке она разразилась над крупнейшими фирмами юго-западной Германии. В 1557 году прекратили платежи короли Франции, Испании и Португалии. Их примеру последовали более мелкие сюзерены. Это нанесло смертельный удар германским домам Вельзеров, Паумгартнеров, Гехштеттеров и др. По некоторым вычислениям, общие потери кредиторов от этого банкротства суверенов простирались до 200 милл. марок на современные деньги: колоссальная цифра, если принять во внимание, что, напр., все производство благородных металлов на земном шаре за время 1521—1560 гг. составило не более 115 милл. марок, т.-е. почти

вдвое меньше, чѣм приблизительно за тот же період было поглощено заемщиками-суверенами. Даже Фуггеры, потерявшіе от банкротства Габсбургов болѣе 8 милл. гульденов, не могли оправиться от такого удара¹⁾.

Богатства, накопленные обанкротившимися торговыми фирмами и пущенныя в оборот, не возвращались к ним обратно, утрачивались для них. Но они не исчезали безслѣдно. Значительная часть просто перемѣщалась в новыя руки: к купцам, доставлявшим для феодалов предметы роскоши, к поставщикам, снабжавшим армію предметами обмундирования и продовольствія, иногда к служащимъ банкротящихся домов, основывавшим самостоятельныя торговыя фирмы (такова, напр., фирма Ремов, одна из выдающихся для XVI вѣка). Мы не упоминаем о крупных суммах, которыя употреблялись на подкуп курфюрстов, превращались в оклады и доходы видных сановников: эти суммы обычно здѣсь не задерживались и в скором времени переходили опять-таки к поставщикам, купцам и кредиторам.

Раньше мы видѣли, что XVI вѣк представляет блестящее завершение средневѣковой торговли товарами: углубляет ся методы, дает им небывало широкое примѣненіе. Теперь мы видим, что такое же положеніе он занимает и в исторіи "ростовщических" операций. Он был предвѣстником новой эры. Такого мощнаго размаха различных способов накопленія, такой концентраціи колоссальных состояній в руках отдѣльных капиталистов не видали два слѣдующих столѣтія: все это было превзойдено только во второй половинѣ XIX вѣка.

* * *

Все предыдущее показывает еще раз, что развитіе торговли деньгами стоит в такой же тѣсной связи с отношеніями феодальнаго производства, как и развитіе торговли товарами. Последняя при своем возник-

¹⁾ Банкротства монархов, несомнѣнно, просто ускорили гибель торговых домов, вызывалась же она внутренними причинами, лежавшими в самом существѣ кредитных операций и отчасти в личности руководителей, оказывавшихся во главѣ предпріятій. Вообще можно указать очень немного фирм, которыя, как флорентійскіе Медичи, в теченіе нѣскольких поколѣній сохраняли свое исключительное положеніе. Судя по многим фактам, наблюдалось то же явленіе, как, напр., в Россіи XIX вѣка, гдѣ уже внуки основателей крупнѣйших торговых и промышленных фирм вырождались в паразитических потребителей, лишенных "коммерческаго гения" своих дѣдов, которые залагали первый фундамент, и своих отцов, которые доводили дѣло до блестящаго завершенія. "Внуки" обычно не приводят доставшихся им фирм к окончательной гибели только в тѣх случаях, когда их отцы успѣвают дать дѣлу такую организацію (товарищество, акціонерное общество и т. под.), при которой помощи фактически устраняются от предпріятія и превращаются в простых рентьеров.

новении должна была служить тому, чтобы реализовать прибавочную стоимость, которая уже извлечена из зависимаго населения. Наиболее типичныя кредитныя операціи превосхищают реализацію феодальной прибавочной стоимости, которая ожидается в будущем. Таким образом кредитным сдѣлкам с самаго начала в огромной степени присущ элемент спекуляціи: оцѣнки не тѣх кон'юктур, которыя уже существуют, а тѣх, которыя еще только сложатся в будущем. Этим обстоятельством опредѣляются различія заемнаго процента для различных заемщиков, и для одного и того же заемщика — при измѣняющихся обстоятельствах, в различные годы.

Для феодала, все болѣе утрачивающаго связи с производственными отношеніями, отсутствует какой бы то ни было регулятор предѣльной высоты заемнаго процента. Купец или промышленник дѣлает займы, вообще говоря, на расширеніе своих операцій и, если он ожидает от послѣдних 25% на затраченный капитал, то, за исключеніем каких-либо совершенно необычных случаев, не согласится платить кредитору болѣе 20%. Кредит, регулируемый общим уровнем прибыли, извлекаемой из торговли или промышленности, будет коммерческим или производительным кредитом.

Сеньер занимает на нужды, стоящія лишь в очень отдаленной связи — или совсѣм ни в какой — с потребностями феодальнаго производства. Кредит, которым он пользуется, — внѣпроизводственный кредит. Сеньер учитывает только свои потребности болѣе или менѣе личнаго свойства (или же нужды, вызываемыя войной), но не хочет и не может учитывать производственных возможностей. Единственный критерій при опредѣленіи высоты заемнаго процента — болѣе или меньшая настоятельность внѣ-производственных нужд. Такой кредит, не регулируемый количеством стоимостей, которыя в будущем достанутся заемщику вследствие его экономическаго положенія, является ростовщическим кредитом¹⁾.

Высота заемнаго процента сама по себѣ еще ничего не говорит о характерѣ кредитной сдѣлки. Для купцов, оперировавших в колоніях,

¹⁾ Потребительный кредит вообще утрачивает ростовщическій характер только по мѣрѣ того, как он организуется на началах взаимопомощи (различные виды товариществ), или государством и общественными учрежденіями (напр., земствами — продовольственныя ссуды крестьянам). Здѣсь заемный процент может опускаться ниже уровня коммерческаго процента. Напр., дворянскій банк, ссуды котораго фактически служили в значительной части расширенію дворянскаго потребленія, являлся полной противоположностью ростовщическаго учрежденія: это было скорѣе сослѣбно-благотворительное учрежденіе, организованное за счет податных сословій.

заем из 25% и больше процентов мог быть блестящей коммерческой сдѣлкой, для сеньера—разорительной операціей, способной на время замаскировать банкротство, но в конечном счетѣ ускоряющей крах. Не внѣшній вид, а совокупность всѣх конкретных условій сдѣлки превращает ее в коммерческую или в ростовщическую операцію.

Производительный кредит обогащает заемщика, позволяет ему присвоивать большую массу прибавочной стоимости, чѣм то было бы возможно, если бы он оперировал исключительно с собственным капиталом. Напротив, потребительный кредит обыкновенно с самого начала является симптомом или необычных нарушений в нормальном ходѣ производства (крестьяне и ремесленники) или же такого быстрого развитія потребленія, которое не оправдывается развитіем производства,—слѣдовательно, непроизводительного потребленія. Он представляет силу, разрушающую тот производственный базис, к которому приурочиваются его операціи.

Кредит послужил формирующейся буржуазіи одним из самых мощных рычагов для того, чтобы превратить в свои капиталы тѣ стоимости, которыя извлекались феодальной эксплуатаціей. По внѣшности поддерживая феодальное сословіе, ростовщическая буржуазія энергично перемѣщала к себѣ тѣ богатства, которыя были накоплены в многовѣковом существованіи феодальнаго общества, и приобрѣтала тѣ традиціонныя права на текущій, живой-прибавочный труд, которыя были в феодальную эпоху исключительной собственностью, сословной привилегіей феодалов. Таким образом финансовая аристократія подготовляла полный переворот в общественных отношеніях: подготовляла экѳномическій и политическій упадок феодальнаго сословія,—и превращеніе буржуазіи в экѳномически и политически господствующій класс.

По сравненію с ростовщическими операціями, объектом которых были сеньеры различных рангов, коммерческій кредит не имѣл для разсматриваемой эпохи такого выдающагося историческаго значенія.

3. Развѣтіе банков.

Фирмы, о которых упоминалось в предыдущей главѣ, были не только торговыми, но в то же время и банковыми предпріятіями (Фуггеры), а нѣкоторыя из них—и чисто банковыми предпріятіями (Медичи), т.-е. предпріятіями, для которых единственной торговой статьѣй были деньги. Но из разнообразнѣйших операцій, которыя уже в средніе вѣка вошли в круг дѣятельности банков, мы остановились пока на одной: на предоставленіи кредита, на продажѣ денег, при том преимущественно под залог феодальной собственности или феодальных прав. Хотя эта форма кредита долгое время оставалась наиболѣе выдающеюся по своему относительному значенію, однако она не была един-

ственной и даже первоначальной операціей в сферѣ банковской торговли деньгами. С другой стороны, для того, чтобы продавать деньги,—для того, чтобы оказывать кредит, или, как выражаются, производить активныя операціи, банки должны и покупать деньги: получать кредит от других, или производить пассивныя операціи. Чисто банкирскіе дома, возникающіе с теченіем времени, вообще не могли бы иначе развить финансовых операцій в сколько-нибудь широких размѣрах.

Слѣдовательно, мы должны теперь рассмотреть, каким образом развивалась торговля деньгами: и купля их, и продажа.

Зародыши банков возникают повсюду, гдѣ непосредственный обмѣн перестает быть господствующей формой обмѣна и уступает мѣсто сдѣлкам, осуществляемым при помощи денег. Новѣйшіе изслѣдователи уже в Вавилонѣ VI столѣтія до Р. Х. открывают слѣды банковых операцій: крупные торговые дома принимают деньги на сохраненіе, привлекают деньги для расширенія своих оборотов и уплачивают за них вкладчикам опредѣленный процент, по порученію довѣрителей производят за них торговые платежи, оказывают кредит под долговыя расписки, под хлѣб и другія растенія на корню. Вообще, судя по этим изслѣдованіям, формы кредитнаго дѣла достигли в древнем Вавилонѣ высокой степени развитости.

В древней Греціи—как впрочем значительно раньше и на древнем Востока—крупную роль в качествѣ банковых учреждений сыграли различные храмы (напр., в III вѣкѣ храмы в Оивах, Дельфах и Эфесѣ). Займы у них производились и государствами, и частными лицами. Точно так же и государства, и частныя лица передавали храмам на сохраненіе свободныя наличныя деньги: явленіе, которое впоследствии наблюдается в средневѣковый період во всѣх европейских странах, между прочим и в Россіи, гдѣ храмы и монастыри были главными хранителями „скровищ“ (сокровищ). Хранители сокровищ совершенно естественно принимали на себя и производство текущих платежей, за что, как и за сохраненіе, разумѣется, получали извѣстное вознагражденіе. Духовенство раньше евреев развернуло широкія ростовщическія операціи.

В Египтѣ эпохи Птолемеев, равно как и в Римѣ эпохи имперіи возникло уже и нѣкоторое подобіе государственных банков, с отдѣленіями-казначействами в отдѣльных провинціях. Существованіе этих учреждений показывает, какого высокаго уровня достигло развитіе торговли в послѣдніе вѣка древняго міра и насколько натуральныя повинности были отгѣснены денежными.

Натурально-хозяйственная реакція, ознаменовавшая эпоху великаго переселенія народов, совершенно естественно сопровождалась и полным упадком банкаго дѣла. Единственной его формой до эпохи крестовых

походов оставался размѣн денег, который, по мѣрѣ развитія обмѣна, приобрѣтал огромное значеніе вслѣдствіе феодальной пестроты монетных систем ¹⁾.

„Золотых и серебряных дѣл мастера“ были первыми банкирами средневѣковой Европы. Не только экспертиза монет, но и торговля монетами разных стран и провинцій сдѣлалась постоянным элементом их профессиональных занятій. Они покупали деньги одной монетной системы, продавали деньги другой и постоянно держали запасы монеты различных систем. Они были мѣнялами, и тѣ зародыши банков, которые возникали таким образом, можно назвать *Weshselbanken*, размѣнными банками. На торговлѣ деньгами они развивали в себѣ тѣ способности, которыя необходимы для монетных дѣл мастеров, и приобрѣтали тѣ связи, которыя позволяли им находить матеріал для чеканки монеты (или для перечеканки ея в сравнительно малоцѣнную, — одна из обычныхъ операцій). Поэтому мѣнялы, соединяясь в товарищества, часто переходили от торговли деньгами к производству денег и откупали у сюзеренов и городов право чеканить монету: обстоятельство, которое, в связи с систематической порчей монеты, положило прочный фундамент для страстной ненависти ремесленников, крестьянства и мелких торговцев к банкирам.

С крестовых походов началось быстрое развитіе торговли деньгами. Мѣнялы широко развернули свои операціи, и в Генуѣ, напр., уже с XII вѣка получили названіе банкиров (*bancherii*, — от итальянскаго *banco*, лавка, скамья: мѣнялы производили свои операціи за скамьями, поставленными на городской площади). По мѣрѣ того, как росли тор-

¹⁾ Соотвѣтствующія явленія еще недавно можно было наблюдать в Персіи, гдѣ только в 1879 году у крупных феодалов (ханов) отняли право чеканки монеты. В 1877 году были констатированы величайшія различія в вѣсѣ и особенно в дѣйствительной стоимости, — что зависит от содержанія чистаго металла, — крана, т.-е. $\frac{1}{10}$ томана или тумана, основной персидской монеты. Вѣс и стоимость 1 крана были в различных провинціях таковы:

Города.	Вѣс в граммах.	Стоимость в франках.
Гамадан.	4,95	0,84.
Кашан.	5,03	0,92.
Мазандаран	4,97	0,23.
Тегерап.	5,02	0,04.
Тавриз.	4,90	0,89.
Мешед.	4,90	0,91.

Чѣм ближе были по вѣсу монеты различных провинцій, тѣм необходимѣе почти во всѣх сколько-нибудь крупных торговых сдѣлках становилось участіе эксперта, вооруженнаго не только вѣсами, но и пробирной иглой. Китай только в текущем вѣкѣ принялъ рѣшительныя мѣры с той цѣлью, чтобы внести дѣйствительное единство в монетное дѣло.

говья операціи, и купцам все чаще приходилось имѣть дѣло с мѣнялами, купцы начали помѣщать свои деньги, предназначенныя на текущіе торговые расходы, вкладами (*Depositen*) у мѣнял. Таким образом предпріятія послѣдних развивались в депозитныя банки.

Сосредоточивая у себя вклады различных купцов, мѣнялы могли вносить величайшее упрощеніе в торговыя сдѣлки. Если купец А должен уплатить купцу В 1.000 флоринов, то В является к мѣнялѣ с соотвѣтствующим распоряженіем, чеком от А, и мѣняла просто переписывает эту тысячу со счета вкладов А на счет вкладов В. Платеж совершается чисто бухгалтерским способом, без всякаго передвиженія дѣйствительных денег, а слѣдовательно, без той длительной процедуры, которая требовалась бы для взвѣшиванія и опредѣленія качества монеты. Этими операціями всѣ кліенты мѣнялы связывались в один круг, и банковое предпріятіе превращалось в *жиро банк* (итальянское *giro*—круг).

Общая сумма вкладов, хранящихся у того или иного мѣнялы, подвержена нѣкоторым колебаніям. В извѣстныя времена года купцы извлекают вклады для того, чтобы подготовиться къ экспедиціям, произвести необходимыя закупки товаров. В другія времена, когда купленные товары перепродаются германским и французским купцам, вклады растущей волной возвращаются в банки. Но практика показывает, что эти приливы и отливы при нормальных условіях не распространяются на извѣстную сумму. Она представляет как бы прочный осадок, которым банкир может во всякое время располагать по своему усмотрѣнію. Этот осадок и представляет первоначальный фонд для развитія активных операцій банкира: купец, исчерпавшій всѣ свои вклады, получает от банкира кредит из этого фонда. Отсюда берут свое начало в Генуѣ эпохи крестовых походов *sambia maritima*, морскіе займы; коммента также послужила той формой, которая позволяла зачаточным банкирам использовать постоянную свободную наличность от вкладов. С постоянного остатка коммерческія операціи неизбѣжно должны были распространяться на значительную часть вкладов. Они уже не лежат инертною массой в подвалах,—они вообще пускаются в оборот за исключеніем той части, которую по расчетам банкира в ближайшее время потребуют вкладчики. Теперь банкир может предоставить своим вкладчикам дополнительные выгоды, кромѣ облегченія для них платежей. Получая прибыль от операцій с вкладами, он может подѣлиться с кліентами своей прибылью: желая расширить свои обороты, он привлекает новые и новые вклады, уплачивая за них опредѣленный процент. Измѣняя уровень процента по вкладам: повышая его при отливѣ или в ожиданіи отлива денег и понижая при „изобиліи денег“, т.е. денег, освободившихся от торговых операцій и ждущих выгоднаго примѣненія, преемник мѣнялы

приобрѣтаетъ власть надъ денежнымъ рынкомъ вообще. Мало того: приманкой процента онъ вызываетъ на этотъ рынокъ такія деньги, которыя, по личности ли владѣльца, по незначительности ли суммы, вообще долго не поступили бы въ экономическій оборотъ и лежали бы праздно зарытыми въ какомъ-нибудь крестьянскомъ подпольѣ, залитыми въ кругъ воска, замотанными въ клубок¹⁾.

Концентрируя въ своихъ рукахъ деньги, представляющія тѣ стоимости, которыя были созданы прошлымъ трудомъ и присвоены и накоплены вкладчикомъ, банкиръ передаетъ въ этихъ деньгахъ заемщику концентрированную власть надъ позднѣйшимъ трудомъ, текущимъ или уже превратившимся въ продукты. И эта власть въ рукахъ заемщика-купца совершаетъ чудеса: строитъ и снаряжаетъ суда, снабжаетъ ихъ матросами и солдатами, „покупаетъ“ въ колоніяхъ продукты послѣднихъ. Выманенныя изъ подполья, пройдя черезъ руки банкира, деньги только тогда и развертываютъ ту чудодѣйственную силу, которую приобрѣтаютъ онѣ въ капиталистическомъ обществѣ.

Въ зависимости отъ конъюнктуры, банкиръ регулируетъ не только притокъ вкладовъ, но и спросъ на кредитъ: пониженіемъ или повышеніемъ заемнаго процента онъ дѣлаетъ деньги—т.-е. заемныя деньги—дешевыми или дорогими для заемщиковъ. Такимъ образомъ преемникъ мѣнялы вноситъ систему въ свои кредитныя операціи и превращаетъ свое предпріятіе въ кредитное учрежденіе.

Всѣ эти функціи банковъ развились въ Италіи въ основныхъ чертахъ уже къ половинѣ XV столѣтія. По мѣрѣ того, какъ вырабатывались формы кредитнаго дѣла, отъ обслуживанія торговли онѣ переносились къ обслуживанію потребностей феодаловъ и изъ Италіи переходили въ другія страны Европы. С XIII—XIV вѣка слово „ломбардъ“ (ломбардецъ) на всемъ Западѣ становится нарицательнымъ именемъ торговцевъ деньгами. О былой роли итальянскихъ банкировъ до сихъ поръ напоминаетъ названіе той улицы Лондона—Lombard Street, Ломбардская улица,—которая и теперь остается для Стараго Свѣта міровымъ центромъ кредитнаго дѣла.

В XVI вѣкѣ банковыя операціи, какъ указано въ предыдущей главѣ, пережили небывалый расцвѣтъ, который, впрочемъ, почти повсемѣстно за-

¹⁾ В русской деревнѣ еще недавно можно было наблюдать, какъ мелкіе деревенскіе „богатѣи“, потихоньку отъ односельчанъ, довѣряли свои крошечныя сбереженія какому-нибудь городскому ростовщику (или купцу), вкладывали въ его „оборотъ“. Мѣстная хроника уѣздныхъ купеческихъ фамилій богата разсказами о томъ, какъ ихъ основатели заложили первый фундаментъ будущаго богатства обманомъ или даже убійствомъ своихъ довѣрителей, вручавшихъ имъ деньги просто „на вѣру“, безъ всякихъ документовъ и даже безъ всякихъ свидѣтелей. Теперь такія примитивныя банкірскія—именно депозитныя—операціи развиваются на периферіи—или, точнѣе, въ низахъ капиталистическаго общества. Въ средніе вѣка онѣ были зачаточной формой въ развитіи всего общества къ новой стадіи экономическихъ отношеній.

кончился крахом. Менѣ всего от него пострадали генуэзскіе банки, которые выработали нѣкоторые новые техническіе приемы, давшіе им возможность приспособиться к хаотическим отношеніям эпохи великих открытій и великих переворотов торгово-капиталистической эры. При той алчной погонѣ за богатствами, которая охватила верхушки европейскаго общества, колониальная добыча уже не удовлетворяла сюзеренов, притом она и была доступна не всѣм. Возрастающія личныя потребности и расходы на армію, — с этого вѣка серьезное значеніе приобретает огнестрѣльное оружіе, — побуждали отыскивать всевозможные приемы для „производства богатств из ничего“. Одним из наиболѣе популярных средств скоро стало систематическое ухудшеніе монеты. С какой энергіей производилось оно, лучше всего показывает тот факт, что Испанія, обладавшая богатѣйшими странами производства серебра, одно время фактически перешла от серебряной к мѣдной монетной системѣ.

К многообразію монетных систем, старинному тормозу торговых сдѣлок, присоединилась величайшая неустойчивость этих систем, номинально остававшихся неизмѣнными. Задачей банковаго дѣла, поскольку оно вообще стремилось облегчить технику платежей, становится возможное сокращеніе передачи дѣйствительных денег. Средством для разрѣшенія этой задачи послужило международное обращеніе переводных векселей, старѣйшей формы векселя вообще. Механизм этого приспособленія в схематических чертах сводится к слѣдующему. Допустим, что нидерландскій купец А купил у генуэзскаго купца В товаров на 1.000 флоринов и выдал ему вексель на эту сумму. В продает этот вексель своему генуэзскому банкиру, — или, как говорят, „учитывает“, „дисконтирует“ у него вексель, т.-е. уступает за номинальную сумму минус проценты, причитающіеся по обычной нормѣ за время, остающееся до срока платежа. Генуэзскій банкир пересылает этот вексель, снабженный дополнительной подписью В и, быть может, собственной подписью генуэзскаго банкира, антверпенскому банкиру. Послѣдній в назначенный срок получает деньги с А, но пересылает генуэзскому банкиру не эти деньги, а вексель на 1.000 флоринов, которым какой-нибудь генуэзскій купец С расплатился за купленные товары с антверпенским купцом Д и который был учтен этим Д у антверпенскаго банкира. Генуэзскій банкир взыщет эту тысячу флоринов с генуэзскаго купца С. Таким образом, по мѣрѣ того, как банкиры концентрируют в своих руках кредитное дѣло, возрастает возможность так организовать интернаціональныя торговыя сдѣлки, что пересылка дѣйствительных денег из одной страны в другую сводится к минимальным размѣрам. Этот прием примѣнялся между прочим при устройствѣ займов для монархов, в частности для испанскаго короля. Итальянскіе банкиры просто покупали векселя,

напр., на Нидерланды,—т.-е. на купцов этой страны,—пересылали их антверпенским банкирам, и только эти банкиры передавали заемщику наличные деньги. Когда истекал срок займа, для его возврата применялась та же процедура, только в обратном порядке.

Так как исполнение долговых обязательств по векселю гарантировалось теперь подписью не только заемщика, но и лиц, которые учитывали его, то вексель приобретал значение очень надежного кредитного документа, который в известных случаях функционировал, как настоящий суррогат денег. Пока не истечет срок векселя, он обращается как действительные деньги: служит покупательным средством при приобретении товаров, платежным средством—при ликвидации долговых обязательств за ранее купленные товары. При каждом переходе из рук в руки, вексель обычно снабжается новой подписью: каждый новый векселедержатель гарантирует платеж по векселю на тот случай, если первоначальный векселедатель, а также все предыдущие векселедержатели окажутся несостоятельными. До появления банков, которые в обмен на учитываемые векселя стали выдавать банковые билеты (банкноты), встречались векселя с несколькими сотнями таких подписей. Так как основой функционирования векселя в качестве суррогата действительных денег является кредитоспособность всех лиц, последовательно поставивших на нем свои подписи, то вексель является первоначальной формой так называемых кредитных денег.

В предыдущем примере генуэзский банкир должен был получить 1.000 флор. с купца С и уплатить 1.000 флор. купцу В. Если оба купца являются вкладчиками этого банкира, то не потребуется ни взыскания, ни уплаты действительных денег: все эти операции просто будут проведены в бухгалтерских книгах по счетам В и С. То же и с антверпенским банкиром и купцами А и Д.

С половины XVI века генуэзские банкиры начали вырабатывать практические приемы, которые позволяли обходиться без передвижения действительных денег и в тех случаях, когда купцы являлись клиентами и вкладчиками совершенно различных банкиров¹⁾. Из взаимных отношений банкиров постепенно развились так называемые генуэзские вексельные мессы (ярмарки): четыре раза в год банкиры—50-60 человек—собирались в каком-либо городе северной Италии или Саво; они привозили

¹⁾ Начало расчетным операциям вообще было положено на крупнейших интернациональных ярмарках. Уже в средние века по окончании каждой ярмарки купцы обычно оставались еще некоторое время для того, чтобы привести в известность и по возможности ликвидировать свои взаимные обязательства. Из операций этого рода развились и вексельные ярмарки.

записи своих операций с различными клиентами и различными городами. Здѣсь производился подсчет взаимных перекрещивающихся обязательств, и сложные счета на колоссальныя для того времени суммы, в которых выражался междугородской и международный торговый оборот значительной части Европы, компенсировались почти без всякаго участія денег. Эти мессы, построенныя на базисѣ международной торговли, были предшественницами позднѣйших clearing houses, расчетных палат, как постоянно дѣйствующих учреждений.

Необходимым условіем упрощенія расчетных операций—да и вообще их производства—является единство монетной системы, положенной в их основу. И банки создали свою собственную систему, независимую от разнообразія и колебаній систем, принятых в тѣх странах, с которыми они производили свои операции. Это была чисто золотая денежная система. В ней выражались долговыя обязательства, на нее же исчислялись и вклады. Таким образом, суррогаты денег, т. е. всевозможные банковые документы, приобретаѣли крупное преимущество перед дѣйствительными деньгами. Мощно развившійся торговый оборот создал приспособленіе, сводившее к минимальным размѣрам помѣхи, вытекавшія из хаоса монетных систем. По мѣрѣ того, как падала собственная итальянская торговля, на долю итальянских капиталистов выпадала роль как бы общеевропейских организаторов денежнаго обращенія и кредитнаго дѣла¹⁾.

Все это пред'являло огромныя требованія прежде всего к веденію торговых книг и дѣлало недостаточными тѣ наивныя „отмѣтки на биркѣ“, тѣ патриархальныя памятные записи, которыми вообще обходился средневѣковой торговец („тогда же с только что записанным покупал и еще один; за ним осталось 19 гульденов; а имя я позабыл“, и т. под.). Искусство считать (ариѳметика) стало распространяться в Италіи лишь с начала XIII вѣка, но еще в теченіе двух столѣтій оно остава-

---

¹⁾ Лѣтом 1910 г. Вильгельм Оствальд, извѣстный химик (и философ), выступил с планом, осуществленіе котораго было бы равносильно созданію особой банковской денежной системы на новой ступени развитія. В качествѣ международной денежной единицы Оствальд предлагает взять 1 грамм чистаго золота. Из него в настоящее время чеканится 1,29 руб., 2,79 марок, 3,44 франка и т. д. Банки должны, по плану Оствальда, означать в международных сношеніях переводимыя суммы в вѣсовых единицах: 129 руб., или 279 мар., или 344 фран., или 295 крон, или 273 шилл.=100 грам. золота. На слѣдующей ступени государства или крупныя банки выпускают в этой вѣсовой валютѣ бумажныя деньги, принимаемыя к размѣну во всѣх международных сношеніях; потом совершается переход к чеканкѣ соотвѣтствующей монеты. В концѣ-концов эта единая международная денежная система должна вытѣснить современное многообразіе національных монетных систем.

лось почти исключительной привилегіей духовенства, и еще в концѣ XIII вѣка повторялись строгіе запреты примѣнять арабскія цифры, которые только и дѣлают возможными сколько-нибудь бѣглыя вычисления. Систематическая регистрація явленій торговли медленно слѣдовала за развитіем самых этих явленій. Первая научная сводка и обработка практических приѣмов, примѣнявшихся торговыми фирмами Венеціи и Флоренціи, появилась только в самом концѣ XV вѣка. Один из отдѣлов учебника математики, вышедшаго в свѣтъ в 1494 году, содержит основы того метода торговаго счетоводства, который извѣстен под названіем двойной или итальянской бухгалтеріи. Знаменательно, что автором этого учебника был Фра Лука ди Борго, или Лука Пачіоло, францисканскій монах.

Значит, по мѣрѣ того, как новыя задачи выдвигались усложняющимися мѣновыми отношеніями, находились и средства для их разрѣшенія. В Италіи XVI вѣка техника банковаго дѣла достигла такой высокой ступени, что сѣверным странам в позднѣйшее время можно было пользоваться уже готовыми образцами¹⁾.

1) В Германіи, — даже в Любекѣ, стоявшем во главѣ Ганзы, — до второй половины XIII вѣка единственным письменным языком был латинскій: несомнѣнное доказательство того, что духовные были фактическими монополистами образованности (как в современной Персіи и в нѣсколько меньшей степени — в Турціи. В этом — один из корней того изумительнаго для современных европейцев вліянія, которое все еще принадлежит духовенству в этих странах). И даже в XV вѣкѣ городскими писцами были преимущественно духовныя лица: примитивная буржуазія только еще доходила до искусства читать и писать. „Торговыя книги“ таких крупнѣйших торговых фирм, как гамбургской Гельдерсена или ульмской Руланда, немногим возвышались над тѣми хаотическими записями, о которых говорилось в текстѣ. Но растущія потребности торговаго оборота дѣлали свое дѣло, — и с конца XV вѣка, а в особенности с начала слѣдующаго, купеческіе сыновья все чаще отправлялись в Италію обучаться „искусству считать“, т.-е. попросту ариѳметикѣ, —

объемѣ, несомнѣнно, не выше программы наших дореволюціонныхъ начальныхъ школъ с 3-годинымъ курсомъ. Даже в концѣ XVI вѣка видные купцы не безъ самоудовольства заявляли о том, что они могутъ правильно раздѣлить одно цѣлое число на другое. Впрочем, в Россіи еще недавно можно было наблюдать крупнѣйшихъ „самородковъ“ купцовъ и промышленниковъ, которые едва умѣли подписывать свою фамилію. При своемъ относительно позднемъ экономическомъ развитіи, Россія в XIX вѣкѣ повторила многое изъ того, что наблюдалось на средневѣковомъ Западѣ. Исторія торговаго счетоводства представляетъ демонстративный примѣръ тѣсной связи между развитіемъ экономическихъ отношеній, с одной стороны, и не только „народной школы“, но также и извѣстныхъ научныхъ дисциплинъ (математики) — с другой. Довольно высокая ступень развитія торговаго капитала исторически была необходимою предпосылкой появленія Джордано Бруно, Галилея и Коперника.

В Голландіи с особой прозрачностью выступает связь банкового дѣла с потребностями торгового оборота. Первоначальный банкир был здѣсь не что иное, как торговый кассир, функции котораго постепенно обособились от функций купца. С конца XVI вѣка, с началом расцвѣта голландской торговли, в роли кассира, благодаря сумятицѣ монетных систем, сдѣлался необходимым специально подготовленный человек. Сначала каждый кассир завѣдывал денежными дѣлами и платежами только одного купца и состоял у него на жалованьи. Но уже в началѣ XVII столѣтія кассиры стали брать деньги на сохраненіе и завѣдывать денежной частью каждый у нѣскольких купцов, и организовать все дѣло за свой собственный счет. Организациія оказалась очень неудовлетворительной. Во-первых, кассиры не только не противоудѣйствовали путаницѣ, возникшей из порчи монеты, но и увеличивали ее еще больше: они извлекали из обращенія полную монету, переплавляли ее и выпускали взамен номинально такую же, но в дѣйствительности неполноцѣнную. Во-вторых, при возрастающей сложности оборотов и при многочисленности кассиров, расчетныя операціи между ними вели к нескончаемым спорам и столкновеніям. Поэтому в 1609 году у них было отнято право чеканки монеты и производства жиро-операціи: эти функции были возложены на основанный в том же году амстердамскій общественный банк. Послѣдній продолжил дѣло, начатое генуэзскими банками. Он создал систему, независимую от колебаній монетных систем, и курс банковых денег обыкновенно стоял по этой причинѣ нѣсколько выше курса металлических денег. По мѣрѣ того, как к Голландіи переходило первенство в міровой торговлѣ, амстердамская банковая валюта становилась единственной валютой оптовой интернаціональной торговли. Господство амстердамскаго банка в финансовом дѣлѣ Европы продолжалось до конца XVIII вѣка, когда вторженіе французов нанесло окончательный удар голландской торговлѣ. Его опыт был использован при основаніи англійскаго банка.

Главныя функции как развитых итальянских банков, так и амстердамскаго были в основных чертах одинаковы. Всѣ они стремились внести извѣстную устойчивость в торговыя отношенія, которыя тормозились и расшатывались многообразіем и непостоянством монетных систем. Средство для этого было найдено в созданіи банковых валют, опово-торговых по той сферѣ, гдѣ онѣ нашли главное примѣненіе. Всѣ эти банки, посредничая при производствѣ платежей, старались свести к возможно скромным размѣрам необходимость обращаться к металлическим деньгам. По сравненію с этими функциями, вытекавшими из непосредственных потребностей наличнаго торгового оборота, активныя кредитныя операціи, которыя могли бы служить расширенію этого обо-

рота, отступали на задній план. Главным фондом кредитных операцій был тот свободный остаток, который в общем не затрогивался денежными операциями, т.-е. посредничеством при производствѣ денежных платежей. Из опасенія непредвидѣнных колебаній приходилось оказывать кредит с величайшей осторожностью, т.-е. держать в кладовых банка болѣе или менѣе значительный мертвый балласт благородных металлов. Многіе банки, прельщенные высоким ссудным процентом и ссудами монархам сократившіе этот запас, окончили крахом.

Новый шаг в развитіи банков был сдѣлан в Англіи. Первоначальными банкирами и там были мѣнялы, развившіеся из золотых дѣл мастеров. Как в Италіи и Голландіи, они извлекали огромные барыши не только из размѣна, но также и из перечековки монеты, — замѣны хорошей монеты неполноцѣнною. Их операціи не раз приводили торговлю к величайшему замѣшательству, к широкому банкротству. Корона, как и повсюду, получала свою долю от их финансовой мощи, — производила у них займы за займами, и от времени до времени приостанавливала платежи. Так разразился между прочим серьезный финансовый кризис 1672 года. Тщетно буржуазія требовала положить конец махинаціям банкиров. Тори, бывшіе у власти и не менѣе, чѣм король, связанные с частными банкирами, всѣми силами противились уничтоженію их привилегій и учрежденію общественнаго банка. Тори рѣшительно заявляли, что монархія и общественный банк несовмѣстимы, — и были правы в том смыслѣ, что государственный банк тоже быстро пришел бы к банкротству, если бы монарх могъ брать из него „ссуды“ по своему усмотрѣнію и потребностям.

В 1688 году Стюарты были окончательно изгнаны из Англіи, власть захватили виги, главной опорой которых были купцы, формирующаяся промышленная буржуазія и тѣсно связанное с этими группами мелкое дворянство (джентри); корона была передана Вилгелму Оранскому, выросшему в отношеніях буржуазной Голландіи. Развивающееся буржуазное общество Англіи создало необходимыя политическія предпосылки для своего дальнѣйшаго развитія. — и через шесть лѣтъ, парламентским актом 1694 года, был учрежден англійскій банк.

Существенные пункты устава этого банка слѣдующіе. Основатели банка должны были устроить правительству заем в 1.200.000 фун. ст. (около 12 милліонов руб.), которые им было предоставлено собрать по подпискѣ. За это они получали право выпустить банковые билеты на такую же сумму и исключительное право пользоваться фирмой англійскаго банка (The Governor and Company of the Bank of England), что давало учрежденію штемпель официальности.